

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.293-306><https://elibrary.ru/qptmbi>

УДК / UDC 81'367.622.13:811.511.152.1

Оригинальная статья / Original article

Вербализация имени существительного в эрзянских говорах Присурья

И. Н. Рябов , Н. А. Агафонова, Г. В. Рябова*МГУ им. Н. П. Огарёва,**г. Саранск, Российская Федерация* *ryabov.74@bk.ru*

Аннотация

Введение. Лексикализация различных частей речи в мордовских языках остается сложным и малоизученным явлением в финно-угроведении. Данный процесс обусловлен спецификой морфологического строя этих языков, для которых характерно наличие парадигм склонения и спряжения у большинства частей речи, что создает предпосылки для изменения их грамматического статуса. Цель исследования – рассмотреть вербализованные имена существительные на диалектном материале эрзянских говоров Присурья, выявить особенности функционирования данных словоформ.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили диалектные записи авторов, собранные во время лингвистических экспедиций 2022, 2023, 2024 гг. в эрзянских селах Присурья Республики Мордовия, Пензенской области и Чувашской Республики. Сбор полевого материала проводился по программе-вопроснику. В процессе работы применялись следующие методы исследования: описательный – позволил проследить употребление вербализованных существительных в диалектной речи носителей эрзянского языка; сравнительный и структурный дали возможность выявить и показать специфику образования и функционирования анализируемых словоформ рассматриваемого ареала.

Результаты исследования и их обсуждение. В эрзянских говорах Присурья, как и в эрзянском литературном языке, широко употребителен процесс лексикализации. Один из его видов – вербализация знаменательных и служебных частей речи. При вербализации все неглаголы могут принимать сказуемостные суффиксы и изменяться по лицам, числам, временам, как глаголы. Что касается имен существительных, то не все они подвергаются процессу вербализации, а только слова с определенной семантикой, которые контекстуально и ситуативно обусловлены. Словоформы, выступающие в роли синтаксического целого, широко представлены в речи носителей языка. Эти новообразования по своим фонетическим и морфологическим особенностям не одинаковы: в говорах Чувашского Присурья, в отличие от других говоров Присурского ландшафта, при образовании вербализованных форм имени существительного перед -а-, суффиксом настоящего времени, появляется согласный -j- – интерфикс. Функционирование данных новообразований в эрзянских говорах Присурья отражает специфику рассматриваемого ареала.

Заключение. Анализ языкового материала исследуемого ареала показал, что имя существительное основного склонения активно принимает сказуемостные суффиксы и имеет парадигмы спряжений. В ходе проведенного исследования выявлено, что вербализованные формы в номинативе и косвенных падежах частично сохраняют как свое лексическое, так и падежное значение, при этом глагольная морфема указывает на лицо, число и время происходящего действия. Диалектное исследование вербализации других частей речи даст возможность показать особенности и тенденции развития лексикализации мордовских языков.

© Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: эрзянский язык, говор, диалект, существительное, падежные формы, сказуемый суффикс, лексикализация, вербализация

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ 24-28-00534 «Цифровое описание мордовских диалектов Присурья».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рябов И.Н., Агафонова Н.А., Рябова Г.В. Вербализация имени существительного в эрзянских говорах Присурья. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):293–306. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.293-306>

Noun Verbalization in the Erzya Dialects of the Prisurye Region

I. N. Ryabov ✉, N. A. Agafonova, G. V. Ryabova
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
✉ ryabov.74@bk.ru

Abstract

Introduction. The lexicalization of various parts of speech in the Mordovian languages remains a complex and understudied phenomenon within Finno-Ugric studies. This process is determined by the specific morphological structure of these languages, which is characterized by the presence of declension and conjugation paradigms in the majority of parts of speech, thereby creating preconditions for shifts in their grammatical status. The aim of this study is to examine verbalized nouns using dialectal material from the Erzya subdialects of the Sura region and to identify the distinctive features of the functioning of these word forms.

Materials and Methods. The research material comprised dialectal records compiled by the authors during linguistic expeditions conducted in 2022, 2023, and 2024 to Erzya villages in the Prisurye region of the Republic of Mordovia, Penza Oblast, and the Chuvash Republic. The collection of field material was carried out using a questionnaire-based methodology. The following research methods were employed in the study: the descriptive method, which enabled the tracing of the use of verbalized nouns in the dialectal speech of Erzya language speakers; and the comparative and structural methods, which facilitated the identification and illustration of the specific features governing the formation and functioning of the analyzed word forms within the examined linguistic area.

Results and Discussion. In the Erzya dialects of the Prisurye region, as in the literary Erzya language, the process of lexicalization is widely prevalent. One of its forms is the verbalization of significant and auxiliary parts of speech. Through verbalization, all non-verbs can adopt predicative suffixes and inflect for person, number, and tense, much like verbs. Regarding nouns, however, not all undergo the process of verbalization, but only those with specific semantics that are contextually and situationally determined. Word forms functioning as syntactic wholes are extensively represented in the speech of native speakers. These neologisms are not uniform in their phonetic and morphological characteristics: in the dialects of Chuvash Prisurye, unlike other dialects of the Prisurye landscape, the consonant -j-, an interfix, appears before -a-, the present tense suffix, in the formation of verbalized noun forms. The functioning of these neologisms in the Erzya dialects of the Sur region reflects the specificity of the area under consideration.

Conclusion. An analysis of the linguistic material from the studied area has demonstrated that nouns of the primary declension actively adopt predicative suffixes and exhibit conjugation paradigms. The conducted research has revealed that verbalized forms in the nominative and oblique cases partially retain both their lexical and case meanings, while the verbal morpheme indicates the person, number, and tense of the action. A dialectological study of the verbalization of other parts of speech would provide an opportunity to elucidate the specific features and tendencies in the lexicalization of the Mordovian languages.

Keywords: the Erzya language, dialect, noun, case forms, predicate suffix, lexicalization, verbalization

Funding: The publication was prepared as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant 24-28-00534 “Digital description of the Mordovia dialects of the Prisursky region”.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. Noun Verbalization in the Erzya Dialects of the Prisurye Region. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):293–306. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.293-306>

Введение

Для эрзянских говоров Присурья, как и для мордовских литературных языков и других диалектов и говоров, типологической особенностью является возможность разных частей речи (кроме глагола) иметь парадигмы склонений и спряжений. Это явление в научной литературе называют транспозицией, или процессом лексикализации. Данные лексемы представляют собой семантически гибридные образования. Академик В. В. Виноградов писал, что «в живом языке... грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую...»¹. А. М. Пешковский, исследуя типы перехода слов в системе частей речи русского языка, отмечал, что «процесс этот вечен в языке...»². П. Хайду в качестве доказательства древних взаимосвязей между классами именных и глагольных основ отмечает «часто наблюдаемую генетическую общность суффиксов отыменного и отглагольного словообразования в уральских языках... Способность имен в самодийских и мордовских языках вербализоваться в позиции предиката... Вербализованное имя может в этом случае оформляться глагольными личными окончаниями и даже показателями времени»³.

В мордовских языках процесс лексикализации представляет собой сложное явление, которому подвержены как знаменательные, так и служебные части речи, кроме финитных форм глагола. Различают несколько видов лексикализации: субстантивация, адъективация, прономинализация, вербализация.

Целью статьи является исследование процесса вербализации имен существительных и их падежных форм в эрзянских говорах Присурья, выявление особенностей их образования и функционирования. Процесс вербализации имен унаследован от уральского праязыка. Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью вопроса вербализации в мордовском языкознании.

Обзор литературы

Присурские говоры эрзянского языка были объектом исследования многих ученых, которые рассматривали как морфологическую структуру⁴, так и фонетическую составляющую его диалектов⁵. Изучение диалектной специфики языка и его литературных форм – актуальное направление для финно-угорской науки в целом⁶ [1; 7–9]. Классификации мордовских говоров Присурья посвящены работы Д. В. Цыганкина⁷, в которых автор анализирует их фонетические, лексические и морфологические особенности. Исследователи присурского диалектного ландшафта отмечают, что данные говоры различаются между собой по многим показателям: свою специфику имеет система вокализма [3] и консонантизма [4]; прослеживаются отличия при выражении

¹ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк.; 1986. С. 45–46.

² Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.; 1934. С. 128.

³ Хайду П. Уральские языки и народы. Пер. с венг. Е. А. Хелимского. М.: Прогресс; 1985. С. 222.

⁴ Бибин М.Т. Говоры наскафтымской мордвы: дис. ... канд. филол. наук. Саранск; 1964. С. 19–159; Надькин Д.Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. В кн.: Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1968. Т. 5. С. 3–198.

⁵ Обьедкин В.Д. Говор села Мордовское Давыдово Кочуровского района Мордовской АССР. В кн.: Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1963. Т. 2. С. 37–98.

⁶ Keresztes L. Chrestomathia Morduinica. Budapest: Tankönyvkiado; 1990. 204 p.; Keresztes L. Development of Mordvin Definite Conjugation. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; 1999. 266 p.; Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 232). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; 1999. 183 p.

⁷ Цыганкин Д.В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка. В кн.: Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1961. Т. 1. С. 291–395; Цыганкин Д.В. Слово в Присурских говорах эрзя-мордовского языка. В кн.: Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: Красный Октябрь; 2000. С. 60–70.

посессивных отношений [10] и в способах передачи объекта падежными маркерами [11]; наблюдается разница в грамматическом статусе образований на -нек [5], а также выделяются особенности в способах передачи редупликативных образований [6].

Процесс транспозиции в мордовских языках выступает в двух видах – именном и глагольном. Д. В. Бубрих⁸ и Н. Ф. Цыганов⁹ падежные словоформы, подвергшиеся субстантивации, называют «вторичным склонением». Это же явление Б. А. Серебренников¹⁰ и Д. В. Цыганкин рассматривают как «частную разновидность указательного склонения»¹¹. Лексикализацию словоформ всех неглаголов, в том числе имен существительных, способных иметь парадигмы спряжений, М. Е. Евсеев¹² и М. Н. Коляденков¹³ определяют как «изменение имен по суффиксам сказуемости». Подобного вида субстантивированные новообразования Н. А. Агафонова [2] считает «прономинализацией имен». Петер Хайду, рассматривая имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения в мордовских и самодийских языках в позиции предиката, применяет к ним термин «вербализованные имена»¹⁴, которые могут оформляться личными окончаниями и показателями времени. М. Д. Имайкина эти виды лексикализации связывает с эллипсом и называет данные процессы «временной лексикализацией», утверждая при этом, что они представляют собой проявление единства лексического и грамматического значений»¹⁵. Однако в мордовском языкознании вопрос лексикализации имен существительных на диалектном материале не получил широкого освещения.

Материалы и методы

Основную базу исследования составили диалектные материалы авторов, собранные в эрзянских селах Присурья Республики Мордовия, Пензенской области и Чувашской Республики во время лингвистических экспедиций 2022, 2023 и 2024 гг. Сбор полевого материала проводился по программе-вопроснику¹⁶.

При написании данной работы был использован комплекс методов. Описательный метод позволил зафиксировать и систематизировать случаи употребления вербализованных существительных в живой диалектной речи. Сравнительный метод дал возможность провести анализ особенностей образования и функционирования исследуемых словоформ в разных говорах Присурья. Структурный метод был применен для анализа внутреннего устройства вербализованных форм и их парадигматических отношений. Сочетание этих методов обеспечило многоаспектность исследования и позволило выявить как общеэрзянские черты вербализации, так и специфические особенности, характерные для говоров данного ареала.

Результаты исследования и обсуждение

Типологической особенностью мордовских языков является частеречная транспозиция или лексикализация, которая выражается в возможности разных частей речи иметь парадигмы склонений или спряжений, при этом условный эллипсис замещается морфологическими маркерами соответствующей части речи или ее формы.

⁸ Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1953. 272 с.

⁹ Цыганов Н.Ф. Вторичное склонение существительного. В: Уч. зап. Мордов. ун-та. № 43. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1964. С. 192–197.

¹⁰ Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука; 1967. С. 50.

¹¹ Цыганкин Д.В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск; 1978. С. 18.

¹² Евсеев М.Е. Основы мордовской грамматики. В: Избранные труды: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1963. Т. 4. С. 101–103; 118–125; 292.

¹³ Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2.: Синтаксис. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1954. С. 97–109.

¹⁴ Хайду П. Уральские языки и народы. С. 222.

¹⁵ Имайкина М.Д. Временная лексикализация в мордовских языках – проявление единства лексического и грамматического значений. В: Вопросы лексикологии финно-угорских языков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 1989. С. 56–71.

¹⁶ Агафонова Н.А., Рябов И.Н., Рябова Г.В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2018. 80 с.

В мордовских языках наиболее употребляемый вид транспозиции – вербализация, при которой от неглаголов образуются парадигмы спряжений со сказуемостными суффиксами лица, числа и времени. Этому виду лексикализации подвержены все части речи, кроме финитных форм глагола. В этом случае одна языковая единица выступает в функции другой. Основным для всех является то, что «они представляют собой особые сложные по структуре и по семантике лексико-грамматические единицы. Специфика этих образований заключается в том, что в одной и той же словоформе наличествуют два ведущих морфологических ядра и, следовательно, две семантемы» [1].

Лексикализация частей речи может быть разных видов – субстантивация, адъективация, прономинализация, вербализация. Наш полевой материал показывает, что в анализируемых говорах процесс вербализации имени существительного широко употребителен. Имя существительное может подвергаться вербализации как в номинативе, так и во многих косвенных падежах.

Номинатив. Падежные новообразования от имени существительного в номинативе принимают глагольные суффиксы лица, числа и времени (табл. 1–4).

Из таблицы 1 видно, что имена существительные-новообразования 1-го и 2-го лица принимают морфологические показатели времени, лица, числа. При этом 3-е лицо настоящего времени не принимает сказуемостные суффиксы. Необходимо отметить, что в самой глагольной парадигме 3-е лицо образовано от причастия на -и /-ы, например: ливт-и ‘он летит’ → ‘летающий’ (сеське ливти ‘комар летит’ / ливти нармунь а неят ‘летающую птицу не увидишь’), корт-ы ‘он говорит’ → ‘говорящий’ (цёрась корты ‘мужчина говорит’ / корты ломань а марят ‘говорящего человека не услышишь’).

Особенностью диалектной парадигмы эрзянских говоров Чувашского Присурья является то, что в вербализованных словах, оканчивающихся на гласный звук, перед суффиксом -а- настоящего времени появляется согласный -j-, который выполняет функцию интерфикса (в агглютинативных языках интерфиксами могут быть как гласные, так и согласные звуки). Его появление фиксируется только в формах 1-го и 2-го лица единственного числа говоров Чувашского Присурья, ср.: *pokškuda-j-a-n* (Нпл.), но *pokškud(a)-a-n* (Вшл.) ‘я есть поезжанин’; *at'a-j-a-t* (Нпл.), но *at'(a)-a-t* (Кчк.) ‘ты есть старик’. Присутствие согласного интерфикса -j- в говорах рассматриваемого региона в этом случае связано с фонетическим процессом «эпентеза». Он вступает в силу на основе законов морфонологии эрзянского языка, когда на стыке двух морфем между двумя гласными – конечной гласной основы слова и морфологического маркера настоящего времени -а- – появляется согласный для отсутствия слияния двух морфем. Это явление характерно северо-западному диалектному типу, который

Т а б л и ц а 1. Настоящее время (единственное число). Номинатив
T a b l e 1. Present tense (singular). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 р. мон / mon	<i>av(a)-a-n</i>	<i>ava-j-a-n</i>	аван	я есть женщина
	<i>t'äjt'ir'-a-n</i>	<i>t'ejt'er'-a-n</i>	тейтерян	я есть девушка
	<i>žab(a)-a-n</i>	<i>ekakš-a-n</i>	эйкакшан	я есть ребенок
2 л. / 2 р. тон / ton	<i>av(a)-a-t</i>	<i>ava-j-a-t</i>	ават	ты есть женщина
	<i>t'äjt'ir'-a-t</i>	<i>t'ejt'er'-a-t</i>	тейтерят	ты есть девушка
	<i>žab(a)-a-t</i>	<i>ekakš-a-t</i>	эйкакшат	ты есть ребенок
3 л. / 3 р. сон / son	<i>ava</i>	<i>ava</i>	ава	она (есть) женщина
	<i>t'äjt'ir'</i>	<i>t'ejt'er'</i>	тейтерь	она (есть) девушка
	<i>žaba</i>	<i>ekakš</i>	эйкакш	он (есть) ребенок

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: Here and throughout the article, all tables have been compiled by the authors.

считается одним из архаичных типов эрзянского диалектного ареала. В других эрзянских говорах Присурья на стыке двух морфем, наоборот, наблюдается фонетический процесс дизереза, когда происходит выпадение конечной гласной основы слова перед суффиксом *-a-* настоящего времени, как и в литературном языке.

Согласно таблице 2, имена существительные в говорах Присурья не одинаковы как по своим фонетическим, так и морфологическим особенностям. Так, в говорах сс. Качелай, Кочкурово, Сабаетово Кочкуровского района Республики Мордовия и сс. Напольное, Сыреси, Рындино Поречского района Чувашской Республики морфологические маркеры 1-го лица множественного числа разительно отличаются друг от друга. Ср.: *c'ora-t-a-m*, *ur'va-t-a-m*, *at'a-t-a-m* (Сбв.) / *c'ora-t-a-n-o-k*, *ur'va-t-a-n-o-k*, *at'a-t'-a-n-o-k* (Нпл.) 'мы есть мужчины', 'мы есть снохи', 'мы есть старики'. В говоре с. Кочкурово в форме 1-го лица множественного числа морфологический маркер прозрачен: *-t-a-m*, где *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-m* является суффиксом 1-го лица. В говоре с. Напольное: *-t-a-n-o-k*, где *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-n-* – суффикс 1-го лица, *-o-* – интерфикс, *-k* – архаичный суффикс множественного числа, который сохранился в говорах такого типа до настоящего времени (этот же суффикс *-k* широко употребляется в посессивных суффиксах 1-го и 2-го лица множественного числа).

Полевой материал показывает, что в номинативе не все имена существительные могут принимать сказуемостные суффиксы. Процессу вербализации подвергаются только существительные с определенным значением, чаще всего это лексемы с семантикой одушевленности, ср.: *loman'* (Кчл., Ср.) 'человек' → *loman'an* 'я есть человек'; *t'ät'a* (Кчк.) / *t'et'a* (Рнд.) 'отец' → *t'ät'at* / *t'et'ajat* 'ты есть отец'; *sazır* (Сбв.) / *jalaks* (Нпл.) 'младшая сестра' → *sazırtadâ* / *jalakstado* 'вы есть младшие сестры'; *p'is'mar* (НПр., Алт.) 'скворец' → *p'is'maran* 'я есть скворец'; *numulâ* (Кчк.) / *numolo* (Атр.) 'заяц' → *numulat* / *numolojat* 'ты есть заяц'; *r'iv'iz'* (Кчк.) / *r'iv'ez'* (Алт.) 'лиса' → *r'iv'is't'am* / *r'iv'es't'anok* 'мы есть лисы'. Вербализованные лексемы, относящиеся к тематической группе «животные и птицы», указывают на человека и одновременно дают ему характеристику. Например: *v'id'i parı ofıat* (Кчк.) 'ты (есть) прямо настоящий увальень (букв. медведь)'; *vij kodamo r'ev'ejan* (Нпл.) 'ой какая я (есть) глупая (букв. овца)'.

В эрзянском диалектном ареале, так же как и в литературном языке, вербализованные новообразования имени существительного в номинативе, кроме парадигм настоящего времени, имеют парадигмы II прошедшего времени.

Личные окончания в этой парадигме идентичны личным окончаниям прошедшего времени безобъектного спряжения. С точки зрения этимологии морфологический маркер прошедшего времени вербализованных имен, выступающих в роли предиката, является сокращенной формой глагола *ul'ems* 'быть, есть, являться', который преобразовался в формант II прошедшего времени *-l'*.

В представленной парадигме сказуемостные суффиксы множественного числа совпадают с личными окончаниями глагола II прошедшего времени безобъектного спряжения.

Таблица 2. Настоящее время (множественное число). Номинатив

Table 2. Present tense (plural). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 р. минь / <i>m'in'</i>	<i>ava-t-a-m</i> <i>t'äjt'ir'-t'-a-m</i> <i>žaba-t-a-m</i>	<i>ava-t-a-n-ok</i> <i>t'ejt'er'-t'-a-n-o-k</i> <i>ekakš-t-a-n-o-k</i>	аватано тейтертяно эйкакштано	мы есть женщины мы есть девушки мы есть дети
2 л. / 2 р. тынь / <i>tin'</i>	<i>ava-t-a-da</i> <i>t'äjt'ir'-t'-a-dâ</i> <i>žaba-t-a-da</i>	<i>ava-t-a-do</i> <i>t'ejt'er'-t'-a-do</i> <i>ekakš-t-a-do</i>	аватадо тейтертядо эйкакштадо	вы есть женщины вы есть девушки вы есть дети
3 л. / 3 р. сынъ / <i>sin'</i>	<i>ava-t</i> <i>t'äjt'ir'-t'</i> <i>žaba-t</i>	<i>ava-t</i> <i>t'ejt'er'-t'</i> <i>ekakš-t</i>	ават тейтерть эйкакшт	они (есть) женщины они (есть) девушки они (есть) дети

Таблица 3. Прошедшее время (единственное число). Номинатив
Table 3. Past tense (singular). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 p. мон / mon	<i>ava-l'-i-n'</i> <i>t'äjt'ir'-i-l'-i-n'</i> <i>žaba-l'-i-n'</i>	<i>ava-l'-i-n'</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-n'</i> <i>ekakš-o-l'-i-n'</i>	авалинь тейтерелинь эйкакшолить	я была женщиной я была девушкой я был ребенком
2 л. / 2 p. тон / ton	<i>ava-l'-i-t'</i> <i>t'äjt'ir'-i-l'-i-t'</i> <i>žaba-l'-i-t'</i>	<i>ava-l'-i-t'</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-t'</i> <i>ekakš-o-l'-i-t'</i>	авалить тейтерелить эйкакшолить	ты была женщиной ты была девушкой ты был ребенком
3 л. / 3 p. сон / son	<i>ava-l'</i> <i>t'äjt'ir'-i-l'</i> <i>žaba-l'</i>	<i>ava-l'</i> <i>t'ejt'er'-e-l'</i> <i>ekakš-o-l'</i>	аваль тейтерель эйкакшоль	она была женщиной она была девушкой он был ребенком

Таблица 4. Прошедшее время (множественное число). Номинатив
Table 4. Past tense (plural). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 p. минь / m'in'	<i>ava-l'-i-n'ik</i> <i>t'äjt'ir'-i-l'-i-n'ik</i> <i>žaba-l'-i-n'ik</i>	<i>ava-l'-i-n'ek</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-n'ek</i> <i>ekakš-o-l'-i-n'ek</i>	авалинек тейтерелинек эйкакшолить	мы были женщинами мы были девушками мы были детьми
2 л. / 2 p. тынь / tin'	<i>ava-l'-i-d'ä</i> <i>t'äjt'ir'-i-l'-i-d'ä</i> <i>žaba-l'-i-d'ä</i>	<i>ava-l'-i-d'e</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-d'e</i> <i>ekakš-o-l'-i-d'e</i>	авалиде тейтерелиде эйкакшолить	вы были женщинами вы были девушками вы были детьми
3 л. / 3 p. сынъ / sin'	<i>ava-l't'</i> <i>t'äjt'ir'-i-l't'</i> <i>žaba-l't'</i>	<i>ava-l'-t'</i> <i>t'ejt'er'-e-l't'</i> <i>ekakš-o-l't'</i>	авальть тейтерельть эйкакшольть	они были женщинами они были девушками они были детьми

В эрзянских говорах Присурья представленные новообразования широко употребительны в речи носителей языка. Например: *žaba-l'-i-n'ik*, *zardo kolhozov kučn'im'iz' ksnavin' kočkamâ* (Кчк.) 'мы были детьми, когда нас посылали в колхоз собирать горох'; *t'ejt'er'n'e-l'-i-t'*, *a uš l'ed'maŋ jak'il'it'* (Нпл.) 'ты была маленькой девочкой, но уже на сенокос ходила'. Рассматриваемые вербализованные новообразования полностью не переходят в разряд глаголов, поскольку именная морфема указывает на субъект действия или несет семантическое значение подлежащего, а глагольная морфема отражает семантику предиката, указывая на лицо, число и время происходящего действия. Их лексико-семантическое значение равнозначно целому предложению. Необходимо отметить, что новообразования такого типа являются средством обогащения лексического запаса мордовских языков.

Вербализация косвенных падежных форм. В рассматриваемом диалектном ареале, кроме номинатива имен существительных, процессу вербализации подвергаются косвенные падежные формы инессива, элатива, пролатива, транслатива, компаратива и абессива. По степени функционирования в исследуемых говорах они не одинаковы. Одни из них широко употребительны, другие – встречаются реже. В эрзянских говорах Присурья в роли предиката чаще всего выступают падежные формы инессива, компаратива и абессива имени существительного.

Генитив. На факт отсутствия сказуемого изменения указывал Д. В. Бубрих: «В парадигме имени существительного вне сказуемого изменения стоят только формы родительного падежа и сходные с ними падежеобразные формы»¹⁷. М. Д. Имайкина, описывая временную лексикализацию, отмечает, что «в эрзянском языке с подобной семантикой (генитива) функционирует только местоименная основа»¹⁸. Наличие местоименных генитивных форм актуально и для анализируемых говоров, например:

¹⁷ Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. С. 97.

¹⁸ Имайкина М.Д. Временная лексикализация в мордовских языках – проявление единства лексического и грамматического значений. С. 65.

t'äjt'ir'is' tink'il' (НПр.) 'эта девушка вашей была', *l'emb'i k'emt'n'ä tin'c'ink'il't'* (Кчк.) 'эти валенки ваши-свои были'; *n'et' lomat'n'e m'in'ek'el't'* (Нпл.) 'эти люди наши были'.

Результаты полевого материала авторов показывают, что падежная форма генитива имени существительного может принимать сказуемостные суффиксы. Однако стоит отметить, что в исследуемых говорах вербализация генитивных форм существительных зарегистрирована только с посессивными суффиксами, например: *pokšt'anzil'* (Кчк.) / *bod'anzol'* (Нпл.) 'его деда был', где *pokšt'a-* / *bod'a-* – основа слова, *-n-* – морфологический маркер генитива, *-zi-* / *-zo-* – посессивный суффикс 3-го лица единственного числа, *-l'* – морфема II прошедшего времени. Как показывают диалектные данные, падежная форма генитива в парадигме спряжения принимает сказуемостные суффиксы только в 3-м лице: *t'e l'äm'is't'ät'än't'ät'änzil'* (Кчк.) 'это имя было моего прадеда по отцу'; *pac'as' avanz'ol'* (Нпл.) 'этот платок ее матери был'; *l'äl'än'n'il'ä žabanzil't' di kaftâ nuckanzil't'* (Кчк.) 'у моего старшего брата было четверо детей и двое внуков'. В словоформах *t'ät'än-zi-l'*, *avan-z'o-l'*, *žaban-zi-l't'*, *nuckanzil't'* основой для образования вербализованных форм является не абсолютная форма имени существительного (*t'ät'ä-*, *ava- žaba-*, *nucka-*), а форма генитива, где *-n* выступает как деривационная, а не словоизменительная морфема. Для большей актуализации в синтаксических конструкциях вербализованные формы такого типа зачастую стоят перед подлежащим, например: *t'et'anzol' – p'r'ev'ejč'is'*, *avanzol' – mazič'is'* (Атр.) 'ум у нее был от отца, а красота была от матери'.

Таким образом, для говоров исследуемого ареала характерна вербализация генитивных форм существительных, при этом сказуемостные суффиксы зарегистрированы только с посессивными суффиксами: *pulajes' avan' pat'a-n-z'o-l'* 'этот пулай был старшей сестры моей матери'.

В анализируемых говорах Присурья вербализованные падежные формы датива, аблатива и иллатива как новообразования в речи информантов нами не зарегистрированы.

Инессив. В исследуемом диалектном ландшафте, как и в эрзянском литературном языке, падежные формы инессива являются весьма распространенным средством выражения предикативности. Вербализованные формы инессива, как и номинативные формы имен существительных, представляют собой частичное приобретение семантического значения глагола, его категориальных черт – лица, числа, времени и синтаксических функций (табл. 5. 6).

В мордовских языках основные значения инессива – обозначение места, в пределах которого что-либо совершается, а также средство или орудие, при помощи которого совершается действие. Само значение этого падежа предполагает появление вербализованных форм с подобной семантикой. Например: *kudu-s(ä)-a-n* (Кчк.) / *kudo-so-j-a-n* (Рнд.) 'я нахожусь дома'; *alaša-si-t-a-m* (НПр.) / *l'išm'e-se-t'-a-nok* (Нпл.) 'мы едем (букв. находимся) на лошади'. Это характерно и для настоящего, и для прошедшего времени.

Опираясь на представленные парадигмы спряжений падежных форм, можно определить, что с точки зрения семантики структура вербализованных форм имен существительных прозрачна, а сложность этих новообразований в том, что в одной и той же словоформе имеются два ведущих морфологических ядра, или две семантемы. Так, например, форма *v'äl'isil'in'ik* (Кчк.) / *v'el'esel'in'ek* (Нпл.) 'мы были в селе' по своей структуре состоит из 5 морфем: 1) *v'äl'ä-* / *v'el'e-* – корневая морфема; 2) *-si-* / *-se-* – суффикс инессива, служебная (или словоизменительная) морфема; 3) *-l'* – глагольный суффикс II прошедшего времени; 4) *-i* – суффикс I прошедшего времени; 5) *-n'ik* / *-n'ek* – суффикс 1-го лица множественного числа, в котором совмещены две морфемы: *-n'* – указывает на 1-е лицо субъекта, *-e-* – интерфикс, *-k* – показатель множественного числа (следует отметить, что глагольный суффикс лица *-n'ek* идентичен посессивному суффиксу 1-го лица множественного числа *-nok* / *-n'ek*, ср.: *v'äl'inik* (Кчк.) / *v'el'en'ek* (Нпл.) 'наше село / наши села').

Таблица 5. Настоящее время (единственное и множественное число). Инессив
Table 5. Present tense (singular and plural). Inessive

Лицо / Person	Число / Number	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. /	мон / <i>mon</i>	<i>paks'asan</i>	<i>paks'asojan</i>	паксясан	я нахожусь в поле
1 р.	минь / <i>m'in</i>	<i>paks'asitam</i>	<i>paks'asotanok</i>	паксясотано	мы находимся в поле
2 л. /	тон / <i>ton</i>	<i>paks'asat</i>	<i>paks'asojat</i>	паксясат	ты находишься в поле
2 р.	тынь / <i>tin</i>	<i>paks'asitadâ</i>	<i>paks'asotanok</i>	паксясотода	вы находитесь в поле
3 л. /	сон / <i>son</i>	<i>paks'asâ</i>	<i>paks'aso</i>	паксясо	он (находится) в поле
3 р.	сынъ / <i>sin</i>	<i>paks'asit</i>	<i>paks'asot</i>	паксясот	они (находятся) в поле

Таблица 6. Прошедшее время (единственное и множественное число). Инессив
Table 6. Past tense (singular and plural). Inessive

Лицо / Person	Число / Number	Кчк. / Kčk	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. /	мон / <i>mon</i>	<i>paks'asil'in</i>	<i>paks'asol'in</i>	паксясолинь	я был в поле
1 р.	минь / <i>m'in</i>	<i>paks'asil'in'ik</i>	<i>paks'asol'in'ek</i>	паксясолинек	мы были в поле
2 л. /	тон / <i>ton</i>	<i>paks'asil'it</i>	<i>paks'asol'it</i>	паксясолить	ты был в поле
2 р.	тынь / <i>tin</i>	<i>paks'asil'id'ä</i>	<i>paks'asol'id'e</i>	паксясолиде	вы были в поле
3 л. /	сон / <i>son</i>	<i>paks'asil</i>	<i>paks'asol</i>	паксясолъ	он был в поле
3 р.	сынъ / <i>sin</i>	<i>paks'asil't</i>	<i>paks'asol't</i>	паксясолтъ	они были в поле

Однако это морфемное членение слова. С точки зрения критериев словообразования лексема *p'ir'isil'in'ik* (Вшл.) / *p'ir'esel'in'ek* (Алт.) ‘мы были на огороде’ бинарна: производящая основа *p'ir'isi-* / *p'ir'ese-* – падежная форма инессива, где *-so-* – словоизменятельный суффикс. Он выступает в данной словоформе как деривационная морфема. Иными словами, новая лексема образована не от основы номинатива *p'ir'ä-* / *p'ir'e-* ‘огород’, а от формы инессива *p'ir'isi-* / *p'ir'ese-* ‘в огороде’, где *-si-* / *-se-* выступает как словообразовательная морфема. Сказуемостными суффиксами являются глагольные морфемы времени, лица, числа: *-l'in'ik* / *-l'in'ek*. В словоформах анализируемого типа структура этой морфемы состоит из нескольких элементов: *-l'* – морфологический показатель II прошедшего времени; *-i-* – морфологический показатель I прошедшего времени; *-n'* – суффикс 1-го лица – субъект действия; *-i-* / *-e-* – интерфикс; *-k* – суффикс множественного числа. Сказуемый суффикс *-n'ik* / *-n'ek* омонимичен лично-притяжательному суффиксу 1-го лица множественного числа.

В новообразованиях сказуемые суффиксы функционально замещают лексические морфемы объекта действия, глагола времени «улемс» ‘быть’, субъекта действия и числа. М. Д. Имайкина отмечает, что «вербализация имени существительного представляет собой временное и частичное приобретение черт глагола...»¹⁹. Смыслообразующая функция вербализованного новообразования совпадает с целым предложением, они могут быть взаимозаменяемы. Ср.: *v'äl'isan* (Кчк.) / *v'el'esejan* (Рнд.) и *mon v'äl'isâ* / *v'el'ese* ‘я нахожусь в деревне’; *v'ir'cil'it* (Сбв.) / *v'ir'sel'it* (Срс.) и *ton ul'n'it v'ir'câ* / *v'ir'se* ‘ты был в лесу’. Несмотря на то, что данные словоформы омонимичны целым предложениям, они широко употребительны в речи носителей языка. Например: *čindzi čop kardajsil'in* (Кчк.) ‘целый день была во дворе’; *t'ät'ät di od pokštät čop v'ir'cil't* (Кчк.) ‘твой отец с твоим дядей целый день находились в лесу’ / *avam vasolbaban' marto c'er'kuvasol't* (Нпл.) ‘моя мама с бабушкой (по материнской линии) были в церкви’. Следовательно, их роль определяется агглютинативностью мордовских языков, где язык стремится к уменьшению произносительных затрат и сокращению языковых средств речи.

¹⁹ Имайкина М.Д. Временная лексикализация в мордовских языках – проявление единства лексического и грамматического значений. С. 67.

Элатив. В рассматриваемых говорах вербализованные формы элатива, так же как и инессива, весьма распространены в речи носителей языка. Появление элативных новообразований связано с ситуативной направленностью речи и лексической обусловленностью вводимых словоформ, например: *il'a s'alk ur'vat'n'in'*, *Paz'elka-sti-l' ur'vanik* (Пзлк.) 'не ругай этих снох, сноха наша была с Пазелок'; *v'ečk'emas'an'c'ak od ška-sti-l'* (Кчк.) 'эта любовь только в молодости была'; *ton, jalgaj, kostojať? – Alv'el'e-ste-jan* (Нпл.) 'ты, друг, откуда? – я из Напольного'; *kokojen'vas'en'c'e alužozo Murzastol'* (Срс.) 'первая невеста моего крестного была из Рындино'. Анализируемые словоформы со сказуемостными суффиксами активно функционируют как в настоящем, так и в прошедшем времени.

Пролатив. Анализ фактического материала дает возможность утверждать, что среди существительных, образованных путем присоединения сказуемостных суффиксов, падежные формы пролатива тоже часто подвергаются процессу вербализации. Например: *pat'andzi-sazirindâ l'ija gorod-ga-t-ombimastir-ga-t* (Кчк.) 'ее старшие и младшие сестры находятся в других городах, за границей (букв. по другим городам, по заграницам)' / *soks'in'b'er't' skaltne-r'ev'et'n'e kardazgal't'* (Нпл.) 'всю осень коровы-овцы были в хлеву'.

Компаратив. По степени употребительности компаративные новообразования являются весьма продуктивными, например: *c'oran't' suduzâ c'otmarškal'* (Кчк.) 'у этого мужчины нос был с дубинку'; *Palagan'ekakšos't' k'ed'n'enze-p'il'g'in'enze sur'in'eškal't'* (Срс.) 'у ребенка Пелагеи ручки-ножки были с ниточку (толщиной)'; *v'er'g'izeškal' k'iskas'* (Нпл.) 'собака была (величиной) с волка'; *t'ajt'ir'n'in't' vakančkat s'äl'm'inzâ* (Кчк.) 'глаза девочки величиной с блюдо'; *äčk'izâ par'čkal'* (НПзм.) 'толщина ее была с кадушку'; *olgâ ulavist kuduškal'* (Кчк.) / *olgo št'em'est kudoškal'* (Нпл.) 'их воз соломы (был) с дом'.

Абессив. Вербализованные формы абессива в речи носителей эрзянских говоров Присурья являются весьма распространенным явлением: *kuduftuman* (Кчк.) / *kudoftomajan* (Нпл.) 'я (есть) без дома'; *p'ajt'imat* (Кчк.) / *p'ejt'emat* (Нпл.) 'ты беззубый'; *pr'äft'im'il'id'ä* (Кчк.) / *pr'eft'em'el'id'e* (Нпл.) 'вы были без ума'. Сама семантика абессива дает возможность образованию словоформ со сказуемостными суффиксами. Возможно, это определяется основными значениями падежа, указывающими на предмет или лицо, без которого нельзя или можно совершать действия, без которого кто-либо или что-либо существует в реальной действительности и др. Ср.: *kuvat'Ruzajifkasâ är'amitarka-ftimi-l'in'* (Кчк.) 'долго в Рузаевке я была без жилья'; *t'el'en'b'er't'šabramok p'enje-ft'eme-l'* (Нпл.) 'всю зиму наш сосед был без дров'; *k'et'-t'em(e)-a-n uš koms'eška ijâ* (НПзм.) 'я без руки уже около двадцати лет'.

Заключение

В эрзянском диалектном ареале, как и в литературном языке, широко употребителен один из видов лексикализации – вербализация. В мордовских языках процессу вербализации подвергаются разные части речи. Имя существительное в номинативе и многих косвенных падежах принимает сказуемостные суффиксы лица, числа и времени.

Ареалом исследования явились эрзянские говоры Присурья Республики Мордовия, Пензенской области и Чувашской Республики, при сравнении которых особенно наглядно прослеживаются лексические и фонетические особенности вербализованных словоформ: *sazir* (Кчк.) / *jalaks* (Нпл.) 'младшая сестра' → *sazirtadâ* / *jalakstado* 'вы есть младшие сестры'. В новообразованиях структура морфологических маркеров прозрачна: основа, с одной стороны, сохраняет в себе как лексическое, так и падежное значение, с другой стороны, принимая сказуемостные суффиксы, частично теряет свою семантику и падежность, выполняя одновременно значение сказуемостности: *odc'or(a)-a-n* (Кчк.) / *odc'ora-j-a-n* (Нпл.) 'я есть юноша'; *t'ajt'ir'-t'-a-m* (Кчк.) /

t'ejt'er'-t'-a-nok (Нпл.) 'мы есть девушки'; *v'ir'-si-l'i-n'ik* (Кчк.) / *v'ir'-se-l'i-n'ek* (Нпл.) 'мы были в лесу'. Эти новообразования не полностью переходят в разряд глаголов: глагольная морфема только указывает на лицо, число и время происходящего действия. Значение рассматриваемых вербализованных образований совпадает с целым предложением: *kudosojan* (Нпл.) 'я нахожусь дома (букв. в доме есть я)'; *v'al'isil'it'* (Кчк.) 'ты был в деревне (букв. в селе находился ты)'.

В говорах сс. Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого и Алтышево, Атрать Алатырского районов Чувашской Республики в вербализованных новообразованиях 1-го и 2-го лица единственного числа, в которых основа слова оканчивается на гласный звук, перед суффиксом *-a-* настоящего времени выступает согласный *-j-*, выполняющий функцию интерфикса. Тогда как в эрзянских говорах сс. Качелай, Кочкурово, Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, Вышелей Городищенского и Пазелки Бессоновского районов Пензенской области конечная гласная основы слова выпадает перед сказуемым показателем настоящего времени: *odc'or(a)-a-n* (Кчк.) / *odc'ora-j-a-n* (Нпл.) 'я есть юноша'.

В анализируемых говорах сел Присурья морфологические маркеры 1-го лица множественного числа также отличаются друг от друга. Ср.: *t'ajt'ir'-t'-a-m* (Кчк.) / *t'ejt'er'-t'-a-nok* (Нпл.) 'мы есть девушки'. В говоре с. Кочкурово в форме 1-го лица множественного числа морфологический маркер прозрачен: *-t-a-m*, где *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-m* – суффикс 1-го лица. В говоре с. Напольное сказуемый суффикс *-t-a-n-o-k* также прозрачен: *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-n-* – суффикс 1-го лица, *-o-* – интерфикс, *-k* – суффикс множественного числа.

В рассматриваемом диалектном ареале не все имена существительные в номинативе могут подвергаться процессу вербализации, чаще всего со сказуемыми суффиксами употребляются номинативные формы с семантикой одушевленности. При этом вербализованные новообразования, обозначающие животных и птиц, указывая на человека, одновременно дают ему образную характеристику: *k'isk(a)-a-t* (Кчл.) / *k'iska-j-a-t* (Срс.) 'ты есть (как) собака'.

В исследуемых говорах вербализация генитивных форм имен существительных зарегистрирована только с посессивными суффиксами в 3-м лице: *pokšt'anzil'* (Кчк.) / *bod'anzol'* (Нпл.) *t'e kus't'imas'* 'эта лестница была его деда', где *pokšt'a-* / *bod'a-* – основа слова, *-n-* – морфологический маркер генитива, *-zi-* / *-zo-* – посессивный суффикс 3-го лица единственного числа, *-l'* – морфема II прошедшего времени.

В эрзянских говорах Присурья падежные формы инессива, элатива, компаратива и абессива являются весьма распространенными предикативными единицами: *umik uš m'ir'd'i-ft'im(i)-a-n* (Кчл.) / *umok uš m'ir'd'e-ft'em'e-j-a-n* (Нпл.) 'давно я (есть) без мужа'; *kudusu-l'i-d'ä* (Кчк.) / *kudoso-l'i-d'e* (Срс.) 'вы были дома'. В этих новообразованиях основой являются соответствующие падежные формы, где словоизменительные суффиксы выступают как деривационные морфемы, которые бинарны.

Вербализация имени существительного в номинативе, как и в косвенных падежах, имеет ситуативный характер, контекстуальную природу, связанную с особенностью морфологического строя эрзянского языка, а именно с агглютинативностью мордовских языков. Функционирование данных новообразований является резервом для пополнения лексического и грамматического ярусов языка. Исследование особенностей вербализации имени существительного данного диалектного ландшафта может стать толчком к дальнейшему рассмотрению других частей речи, подвергающихся лексикализации. Полученные сведения в исследовании вербализации имени существительного в диалектном ареале дают возможность показать специфику особенностей грамматической системы мордовских языков.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Э. л. – эрзянский литературный язык; Алт. – говор с. Алтышево Алатырского района Чувашской Республики; Атр. – говор с. Атрать Алатырского района Чувашской Республики; Вшл. – говор с. Вышелей Городищенского района Пензенской области; Кчл. – говор с. Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия; Кчк. – говор с. Кочкурово Кочкуровского района Республики Мордовия; Нпл. – говор с. Напольное Поречского района Чувашской Республики; НПр. – говор с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия; Пзлк. – говор с. Пазелки Бессоновского района Пензенской области; Рнд. – говор с. Рындино Поречского района Чувашской Республики; Сбв. – говор с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия; Ср. – говор с. Сыреси Поречского района Чувашской Республики.

ABBREVIATIONS

É. l. – Erzya literary language; Alt. – Sub-dialect of the village of Altyshevo, Alaty District, Chuvash Republic; Atr. – Sub-dialect of the village of Arat', Alaty District, Chuvash Republic; Vshl. – Sub-dialect of the village of Vyshley, Gorodishchensky District, Penza Oblast; Kchl. – Sub-dialect of the village of Kachelay, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Kchk. – Sub-dialect of the village of Kochkurovo, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Npl. – Sub-dialect of the village of Napol'noye, Poretskoye District, Chuvash Republic; NPr. – Sub-dialect of the village of Novaya Pyma, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Pzlk. – Sub-dialect of the village of Pazelki, Bessonovsky District, Penza Oblast; Rnd. – Sub-dialect of the village of Ryndino, Poretskoye District, Chuvash Republic; Sbv. – Sub-dialect of the village of Sabayevo, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Srs. – Sub-dialect of the village of Syresi, Poretskoye District, Chuvash Republic.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н.А. Лексикализация падежных форм имен (на материале смешанных диалектов Поволжья и Южного Урала). *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2011;(1):145–152. URL: <file:///C:/Users/000000000000121/Downloads/leksikalizatsiya-padezhnyh-form-imyona-na-materiale-smeshannyh-mordovskih-dialektov-povolzhya-i-yuzhno-go-urala.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).
2. Агафонова Н.А. Падежные формы имен и их прономинализация (на материале эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала). *Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2013;(4):133–139. URL: <https://vestniknign.ru/2013-№4> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Агафонова Н.А., Рябова Г.В., Цыганова М.В. Особенности вокализма эрзянских говоров Присурья. *Вестник угроведения*. 2024;14(2):207–218. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-2-207-218>
4. Иванова Г.С. О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках. *Сибирский филологический журнал*. 2021;(4):168–180. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
5. Клементьева Е.Ф. О грамматическом статусе образований на -нек в эрзянском языке. *Вестник угроведения*. 2018;8(4):625–630. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/e._f._klementeva.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
6. Клементьева Е.Ф. О некоторых типах редуPLICATION в эрзянском языке. *Вестник угроведения*. 2023;13(2):217–224. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-217-224>
7. Некрасова Г.А. Особенности адаптации русских существительных pluralia tantum в коми-пермяцком языке. *Финно-угорский мир*. 2024;16(2):136–145. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>
8. Новак И.П. Исследование альтернативной системы согласных карельской диалектной речи методом кластерного анализа. *Вестник угроведения*. 2023;13(2):234–245. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-234-245>
9. Родионова А.П., Крижановская Н.Б. Генерация именных словоформ южнолюдиковского диалекта. *Вестник угроведения*. 2024;14(3):476–488. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-476-488>
10. Рябов И.Н., Агафонова Н.А., Рябова Г.В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия. *Финно-угорский мир*. 2024;16(4):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
11. Agafonova N.A., Ryabov I.N. Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(1):34–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morphological-marking-of-an-object-in-the-erzya-language-dialects> (дата обращения: 12.05.2025).

Информация об авторах:

Рябов Иван Николаевич, кандидат филологических наук, декан филологического факультета, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Агафонова Нина Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler.ru

Рябова Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

И. Н. Рябов – разработка структуры исследования; системный анализ источников; анализ и интерпретация результатов исследования.

Н. А. Агафонова – разработка структуры исследования; теоретический анализ источников; выявление и обобщение исследуемого диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Г. В. Рябова – сбор, обработка и классификация диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.06.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 07.07.2025.

REFERENCES

1. Agafonova N.A. [Lexicalization of Case Forms of Names (Based on Mixed Dialects of the Volga Region and the Southern Urals)]. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*. 2011;(1):145–152. (In Russ.) Available at: <file:///C:/Users/000000000000121/Downloads/leksikalizatsiya-padezhnyh-form-imyon-na-materiale-smeshannyh-mordovskih-dialektov-povolzhya-i-yuzhnogo-urala.pdf> (accessed 12.05.2025).
2. Agafonova N.A. Case Forms of Names and Their Pronominalization (on Basis of the Erzya Dialects of the Transvolga Region and the Southern Urals). *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2013;(4):133–139. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnikniign.ru/2013-№4> (accessed 12.05.2025).
3. Agafonova N.A., Ryabova G.V., Tsyganova M.V. Features of Vocalism of the Erzya Dialects in the Sura Region. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(2):207–218. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-2-207-218>
4. Ivanova G.S. On the Origin of Consonant Complexes in the Mordovian Languages. *Siberian Journal of Philology*. 2021;(4):168–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
5. Klementyeva E.F. About the Grammatical Status of the Word-Forms with the Suffix -nek in the Erzya Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2018;8(4):625–630. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/e._f._klementeva.pdf (accessed 12.05.2025).
6. Klementyeva E.F. About Some Types of Reduplications in the Erzya Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(2):217–224. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-217-224>
7. Nekrasova G.A. Adaptive Features of the Russian Noun Pluralia Tantum in the Komi-Permian Language. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):136–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>
8. Novak I.P. Study of the Consonant Alternation System in Karelian Dialectal Speech by Cluster Analysis. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(2):234–245. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-234-245>
9. Rodionova A.P., Krizhanovskaya N.B. Generation of nominal word forms of the South Ludic dialect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(3):476–488. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-476-488>
10. Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):392–407. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
11. Agafonova N.A., Ryabov I.N. Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(1):34–44. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/morphological-marking-of-an-object-in-the-erzya-language-dialects> (accessed 12.05.2025).

Information about the authors:

Ivan N. Ryabov, Cand.Sci. (Philol.), Dean of the Philological Faculty, Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Nina A. Agafonova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler.ru

Galina V. Ryabova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Authors' contribution:

I. N. Ryabov – development of the research structure; systematic analysis of sources; analysis and interpretation of research results.

N. A. Agafonova – development of the research structure; theoretical analysis of sources; identification and generalization of the studied dialect material; analysis and interpretation of research results; design of the manuscript.

G. V. Ryabova – collection, processing and classification of dialect material; analysis and interpretation of research results; manuscript design.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.06.2025; revised 24.06.2025; accepted 07.07.2025.